

М. АПТЕКМАН
(г. Бостон, США)

**П. КРАСНОВ «ЗА ЧЕРТОПОЛОХОМ»
И В. СОРОКИН «ДЕНЬ ОПРИЧНИКА»:
ДВА ВЗГЛЯДА НА ЕВРАЗИЙСКУЮ УТОПИЮ***

В 1922 году Освальд Шпенглер заметил, что «примитивный московский царизм является единственной формой правления, приемлемой для современной русской души». Почти через сто лет после этих слов роман Владимира Сорокина «День опричника» представил читателю Россию 2028 года, националистическое, тоталитарное государство, полностью отделенное от Запада глухой стеной. Словно повторяя слова Шпенглера, больше всего будущее российское правление в книге Сорокина напоминает как раз времена «примитивного московского царизма» — правление Ивана Грозного.

Большинство критиков, впрочем, как и читателей, восприняло новый роман Сорокина как политический комментарий к современной российской политике, в первую очередь, как реакцию на постепенное уничтожение Кремлем политической оппозиции, которое, как сам Сорокин сообщил недавно журналу «Шпигель», ведет к восстановлению в России тоталитарного правления. «Я просто представил себе, — сказал Сорокин корреспонденту „Шпигеля“, — что будет происходить в России, если она полностью отгородится от западного мира и вновь соорудит железный занавес. Сейчас много говорят о том, что Россия — крепость. Православие, самодержавие и народность должны лечь в основу новой национальной идеи. Я считаю, что если так и будет, прошлое догонит Россию нынешнюю и станет нашим будущим»¹. Представленная Сорокиным в его новом романе Россия держится на власти секретной полиции, называющей себя «опричина»². Несмотря на то что искушение рассматривать новый роман Сорокина исключительно как политическую пародию велико, но все же «День опричника» во многом выходит за рамки простого сатирического памфлета.

---

* Статья представляет собой переработку текста, опубликованного по-английски: «Forward to the Past or Two Radical Views on Russian Nationalist Future: Pyotr Krasnov's *Behind the Thistle* and Vladimir Sorokin's *Day of Oprichnik*» // *Slavic and East European Journal*. Vol. 53. N. 2 (Summer, 2009).

¹ *Sorokin V. Russia is Slipping Back into an Authoritarian Empire* // *Der Spiegel Online*, 2 февраля, 2007. <http://www.spiegel.de/international/spiegel/0,1518,463860,00.html>

² Выбор термина не случаен. В течение последних десятилетий образ опричнины и опричника стал одним из центральных в российской «патриотической» журналистике. Для российских национал-патриотов образ опричника постоянно служит символом православного солдата, отдающего все силы на борьбу с «либералами и демократами».

Критику, как и читателю, не стоит забывать, что и в новом романе Сорокин остается писателем-постмодернистом, чья долгая литературная биография не раз доказывала, как умело провоцирует Сорокин своих читателей. Мы убеждены в том, что «День опричника» действительно является сатирическим произведением, однако сатира Сорокина направлена не столько на нынешний российский политический режим, сколько на современную российскую культурную социоситуацию, которую писатель умело деконструирует и пародирует.

В процитированном интервью ни корреспондент «Шпигеля», ни Сорокин ни разу не упомянули книгу, которая появилась на полках российских книжных магазинов буквально за несколько месяцев до «Дня опричника». В 2002 году издательство «Вагриус» выпустило репринт романа «За чертополохом», написанного в середине 1920-х годов в Берлине эмигрантом, бывшим белым генералом Петром Красновым. Как и в книге Сорокина, действие романа Краснова также происходит в националистической России, отгороженной от Запада смертельной стеной и превратившейся в деспотичную монархию, подобную той, что Россия испытала в период правления Ивана Грозного. Однако же, в отличие от Сорокина, Краснов искренне убежден, что «примитивный московский царизм» действительно является той единственной формой правления, которая подходит для «современной российской души»

Несмотря на то что российская литературная критика мельком отметила близость авторской характеристики тоталитарного общества в «Дне опричника» описанию подобного же общества в романе Краснова³, ни один из критиков не предложил подробный анализ сходств и различий между двумя романами. В свою очередь, нам представляется, что книга Сорокина — это прямой ответ на публикацию романа Краснова, причем не столько даже на публикацию саму по себе, сколько в первую очередь на возрастающую популярность той идеологии, которая вызвала Краснова из литературного забвения и объявила его реакционную утопию моделью будущего российского режима. Мы убеждены, что несмотря на определенное сходство между романом Сорокина и антикоммунистическими и антинационалистическими эмигрантскими антиутопиями, написанными в советское время (к примеру «Москвой — 2042» Владимира Войновича), «День опричника» должен быть расценен не как пародия на романы советского периода, но скорее как сатира на недавно переизданную националистическую литературу и

---

³ См., к примеру, *Парфенов Л.* История возвращается не только в виде фарса: интервью с Владимиром Сорокиным // *Russian Newsweek*, 12/26/2006 // <http://www.srkn.ru/interview/parfenov.shtml>

тех, кто способствовал ее возрождению. Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать новый роман Сорокина на фоне утопии Краснова, которую мы собираемся рассматривать как парадигматический пример литературы, популяризированной и растиражированной политикой современного националистического возрождения. Используя теоретические понятия Роже Кайуа и Михаила Бахтина, статья ставит своей целью проанализировать роль насилия в романе Сорокина. Мы убеждены, что именно тема насилия, являясь центральной в романе, позволяет «Дню Опричника» балансировать на грани между утопией и антиутопией. Подобное «колебание на грани» представляется мне характерным и для других постмодернистских современных российских утопий, к примеру, недавно опубликованного романа «ЖД» Дмитрия Быкова, и потому может служить примером литературного приема, определяющего современную российскую антинационалистическую антиутопию в целом.

Во время Гражданской войны генерал Краснов прославился тем, что один из первых, еще в 1917 году, двинул казачьи войска против большевиков. В 1918 году он был избран атаманом Донского казачьего войска и к середине 1918 года освободил Дон от большевиков, впрочем, ненадолго. Спасаясь от наступления красных, в начале 1919 года Краснов эмигрирует в Германию. В 1920—1930-х годах Краснов принимает активное участие в различных антикоммунистических организациях и одновременно приобретает репутацию довольно известного исторического новеллиста. Во время Второй мировой войны Краснов однозначно принял сторону нацистов и встал во главе заново сформированного казачьего войска, сражавшегося на территории СССР. В начале 1945 года Краснов был захвачен англо-американскими войсками и в 1945 году, согласно договору, принятому во время Ялтинского совещания, выдан советским властям. В соответствии с приговором военного суда Петр Краснов был повешен в Москве в январе 1947 года.

Роман «За чертополохом» был опубликован в Берлине в 1927 году. Действие романа происходит в конце двадцатого века. В начальной главе автор вкратце рассказывает читателю о событиях, предшествующих главным событиям: сразу же после революции большевистское правительство напало на Европу. В первой же атаке большевики намеревались сбросить на Германию тонны смертоубийственных газовых бомб, однако по ошибке российские летчики сбросили смертоносный груз на своей же территории. Ядовитый газ распространился по всей территории страны и привел к страшной эпидемии чумы, в результате которой вымерло практически все население России. Под влиянием смертельного газа и беспрерывно разлагающихся бесчисленных тел

вдоль границ российского государства вырос невероятно высокий и крупный колючий чертополох; лес чертополоха сделал любую попытку проникнуть на территорию той страны, что когда-то называлась Россией, практически невозможной и полностью отгородил российские земли от всего мира. Невозможными оказались и все попытки проникнуть в Россию с моря: сотни ядовитых мух встречали любого, кто пытался войти в российские воды. К последнему десятилетию двадцатого века — началу основных описываемых в книге событий — весь мир убежден, что России больше нет.

Однако и Европе дела обстоят не лучшим образом. Социалистическое правление, принятое в большинстве европейских государств, привело к полному экономическому провалу: еда выдается по карточкам, электричество и газ подаются в дома по строгому лимиту и большинство граждан обеспечены лишь минимальными жилищными условиями. Литература и искусство страдают под пятой авангардистов, которые привели культуру в состояние полной деградации. Но, несмотря на все эти трудности, большинство русских эмигрантов — многие из которых прибыли в Германию детьми или же уже родились в ней — свыклись с ними, прижились и совершенно не помышляют о какой-либо возможности возвращения на родину. Исключение составляет лишь главный герой, молодой художник Коренев: мечтая о потерянной России, он вместе с небольшой группой единомышленников организует опасное путешествие «за стену чертополоха».

То, что увидят отважные путешественники за чертополоховым лесом, окажется совершенно для них неожиданным. За прошедшие годы отделившая от всего мира Россия не только полностью оправилась от чумы и нищеты, но и пришла к полноценному и всеобщему процветанию. Переход к новой реальности не был легким и потребовал самых крутых и жестоких мер, очень напоминающих меры, известные больше всего во время правления Ивана Грозного: непослушных вешали на дыбах, вырезали им языки и сажали на кол, — однако Россия не только не пострадала, но сильно выиграла от таких суровых законов, ибо, как открыто признал один из героев, «народ ведь сволочь был!». Полностью построенное на допетровских русских традициях, «новое» российское общество превратилось в самодержавную монархию, существующую исключительно на принципах православия, самодержавия и народности, которые один из героев определяет как принципы «Алтаря, Трона и Отечества». Мужчины не бреют бород и носят допетровские кафтаны, женщины одеваются в сарафаны и заплетают волосы в длинные косы. Страна управляется царем-батюшкой, что, конечно же, подразумевает полное отсутствие политических партий. Отгороженная от всего света непроходимой стеной

чертополоха, Россия превратилось в «русское государство, государство для русских, старую Русь, истинную Русь, не проданную ни масону, ни иноземцу» (302)⁴. Но, несмотря на отрицательные стороны этого крайне деспотичного режима, именно он восстановил Россию из руин. Технологии страны на пике. Пустыни искусственно орошены подземными каналами и реками. Вся страна, от главных городов до крошечных деревень, связана высокоскоростными крылатыми поездами. Молнии используются для электрификации домов. Книги и газеты печатаются на самых современных принтерах. Однако свободы печати в стране практически не существует.

Читатель «За чертополохом», конечно же, не может не заметить практически полное отсутствие какой-либо дистанции между рассказчиком Краснова и подразумеваемым автором романа. Совершенно очевидно, что рассказчик выражает исключительно взгляды самого автора. Краснов уверен, что процветание России в первую очередь связано с тем, что, полностью отгородившись от «загнивающего Запада», Россия крепко связала себя экономическими и дипломатическими узами с Востоком — Китаем и Индией. Убеденный сторонник евразийской идеи, подкрепленной яростным национализмом, Краснов доказывает, что европейская либеральная система ценностей, ставящая во главу угла идеи рационального эгоизма и индивидуализма, не только разобщает людей, но и заставляет их забыть свои национальные корни, т.е. свою метафизическую национальную самоидентификацию.

Несмотря на определенную популярность Краснова в русскоязычной диаспоре 1920-х годов, роман «За чертополохом», который сам Краснов считал своим главным произведением, был воспринят критиками без особого восторга. Однако само выражение «за чертополохом» прижилось в эмигрантской среде и скоро стало идиоматическим синонимом термина «коммунистическая Россия»: «мол, приехали писатели из-за чертополоха...»⁵.

Своим возрождением из небытия в начале XXI века давно позабытый красновский роман обязан, в первую очередь, возрождению и популяризации в определенных кругах российской интеллигенции

---

⁴ Здесь и далее цит. по: *Краснов П.* Собр. соч.: В 2 т. М., 2000. Т. 1.

⁵ Например, Нина Берберова и Нина Кривошеина рассказывают в своих мемуарах о приезде друзей из сталинской России как о «гостях из-за чертополоха» (см.: *Берберова Н.* Курсив мой. М., 1997. С. 179; *Кривошеина Н.* Четыре трети нашей жизни // http://thelibrary.ru/books/krivosheina_na/chetire_treti_nashey_zhizni-read.html).

Интересно заметить, что в последнее время выражение «за чертополохом» применяется по отношению к современной российской эмиграции за рубежом (см., к примеру, статью Олега Кашина «Эмигранты за чертополохом» // <http://vz.ru/columns/2006/2/16/22786.html>).

националистической евразийской идеи. Взгляды сторонников и противников националистического евразийства в последние годы нашли яркое отражение в российской литературе. Однако среди появившихся в последнее время на полках книжных магазинов «национал-евразийских» утопий и антиутопий один только «День опричника» демонстрирует очевидное и ярко выраженное стилистическое и фактическое сходство с романом Краснова. Нам представляется, что книга Сорокина несомненно связана с репринтом «За чертополохом» — причем, как уже было замечено выше, не столько с собственно самим романом, сколько с усилением социального влияния тех сил, что привели к неожиданной популярности давно забытой реакционной националистической утопии Краснова в современной России.

Заголовок сорокинского романа несомненно пародирует заглавие солженицынской повести «Один день Иван Денисовича». Одна из глав недавно опубликованного продолжения «Дня опричника», сборника рассказов «Сахарный Кремль», открыто пародирует не только название, но и стиль знаменитой повести. Однако сам «День опричника» в сравнении, скажем, с «Москвой—2042» Войновича, практически никак не связан с творчеством Солженицына. В то же время сходство «России», представленной воображением Сорокина, и Российской империи, порожденной пером Краснова, — поразительны. Так же как и в «За чертополохом», основные события «Дня опричника» разворачиваются во время правления сына первого «восстановленного» российского царя. Как и в романе Краснова, переход к новой форме правления произошел в результате апокалиптического переворота — либо войны, либо революции, определяемой героями Сорокина как «Серая Смута» (по контрасту с «Красной Смутой» 1917-го года и «Белой Смутой» 1991-го), — который закончился полным духовным и политическим преобразованием России. Как и у Краснова, в России 2028 года общественная порка, пытки и одобренные правительством убийства бизнесменов и политических деятелей расцениваются как естественная потребность социального организма, осуществление которой необходимо для процветания государства. Подобно России Краснова, Россия Сорокина полностью отделена от Европы и тесно связана как политически, так и экономически с Китаем.

На первый взгляд, государство, нарисованное Сорокиным, представляет собой идеальное воплощение утопии Краснова. Однако читатель сразу же понимает, что хвалебное описание рассказчиком традиционного образа жизни «новой» России является не более чем пародией. Сорокин подражает псевдонародному стилю Краснова, в то же время постоянно «смешивая» его с псевдонародным литературным стилем повествования, широко распространенным в современных рос-

сийских национал-патриотических СМИ. Жители России 2028 года носят традиционную русскую одежду, не бреют бороды, украшают свои здания русскими иконами, китайскими шелковыми драконами и зелеными нефритовыми вазами, едят кролика с репой, китайскую лапшу и осетровую похлебку, запивая все чаем из самовара и квасом, разговаривают на новом российском языке, состоящем по большей части из древнерусских терминов, великолепно объединенных рассказчиком с преступным и новорусским сленгом. Дом нынче стал «герем», «мерседес» превратился в «мерина», а сотовый телефон в новой православной России называют «мобило» — из переделанного на «старый лад» «братковского» термина «мобила», обозначающего сотовый телефон. Среди разнообразных рингтонов звонка для мобильного телефона самый популярный среди опричников — звук кнута. Кремль перекрасили в белый цвет. Алкоголь запрещен, как и сильнодействующие химические наркотики; однако марихуана продается открыто, так как, если верить словам рассказчика, «не причиняет вреда простому человеку, но помогает ему расслабиться» (86)⁶.

Допетровский образ жизни в романе Сорокина, как и в произведении Краснова, неразрывно связан с технологическим прогрессом. Отделенная от Запада непроходимой стеной, Россия связана с Китаем и Монголией сетью скоростных шоссе и подземными поездами. Страна полностью компьютеризирована. Еда в ресторанах появляется — как из скатерти-самобранки — прямо из стола. Русские печи отлично сочетаются в городских кухнях с новейшими холодильниками и микроволновыми печами. Опричники разъезжают по Москве на турбореактивных мерседесах, украшенными свежеморожеными собачьими головами. В то же самое время Запад — как и романе Краснова — всячески «загнивает», испытывая серьезные проблемы как в экономике, так и в технологии и культуре. Европа, «агенорова дочь», выражаясь словами главного героя, окончательно «дала дуба» — «одни киберпанки арабские между руин ползают» (163). Как и в романе Краснова, российские граждане в «Дне опричника» наслаждаются присутствием лазерного «видеофона» — телевизора, который, однако же, не передает ничего, кроме государевых речей и разрешенных цензурой новостей, и читают великолепно изданные газеты, в которых опять же нет ничего, кроме славословий власти, официальных речей и позитивных новостей. Евреям — как у Краснова, так и Сорокина, — разрешено жить в Российской империи, однако исключительно под постоянным надзором правительства.

---

⁶ Здесь и далее цит. по: *Сорокин В. День опричника*. М., 2007.

В то же время, несмотря на то что книга Сорокина несомненно использует как стиль, так и сюжет красновского романа, «День опричника» существенно отличается от «За чертополохом». Книга Краснова воспринимается читателем исключительно как политический памфлет, написанный в псевдореалистическом стиле, характерном для большинства утопий, созданных в 20-е годы прошлого века. «За чертополохом» четко и непреложно доказывает читателю, что утопическое общество за стеной непроходимых зарослей — единственная и наилучшая модель будущего российского общества, наконец-то избавленного от большевиков. Напротив, роман Сорокина является, вне всякого сомнения, «культурной игрой», никак не направленной на какое-либо одно-единственное политическое или социальное прочтение — перед нами классический постмодернистский «открытый» текст, предлагающий читателю самому решать, является ли страна, в которой живет герой романа, опричник Андрей Комяга, утопией или антиутопией. Несомненно, читатель убежден, что роман, который он только что прочитал, не более чем пародия, гротеск. Однако даже те, кому искренне хочется верить в то, что в своем новом романе Сорокин хочет показать читателю опасность «нового» российского тоталитаризма, не могут отвязаться от мысли, что, при всей своей кошмарности, мир, демонстрируемый Сорокиным, — с его компьютеризированными джакузи в ваннных комнатах, стены которых расписаны по фольклорным мотивам, с опричниками, сверлящими друг другу ноги на братских вахханалиях, с разрешенной марихуаной — в общем, не так-то и плох, как может показаться на первый взгляд. Кое-кто из читателей искренне «купился» на эту симпатию, как, к примеру, лидер Союза православных опричников Иосиф Волоцкий, заметивший в недавнем интервью, что «наконец-то Владимир Сорокин написал очень хорошую книгу. Она продемонстрирует всем, как мы должны обращаться с врагами России»⁷.

Главное различие между утопическим и антиутопическим нарративом в романах Краснова и Сорокина кроется в интерпретации концепции насилия. В идеологии общества, представленного нам Красновым, насилие играет одну из центральных ролей, будучи подано как необходимая и разумная мера воспитания и контроля над обществом. Отношение самого автора к насилию передано словами его положительных героев, к примеру, один из них с энтузиазмом рассказывает, как те, кто выступал против нового монархического режима, были арестованы и возвратились домой с «черными обрубками вместо языков» (302). Рассказчик твердо убежден, что именно эта и подобные ей меры

---

⁷ Соколов Б. Старая новая Русь // <http://www.apn.ru/publications/article10805.htm>

привели к тому, что «с того времени мы начали жить в истинной, православной вере» (302).

Рассказчик Краснова ясно дает понять читателю, что насилие никак не противоречит свободе, но поддерживает ту действительно истинную свободу, которую демократическая Европа никогда не знала и не испытывала — «свободу делать добрые дела», которая идет нога в ногу с «подавлением зла» (469). В романе «За чертополохом» использование правительством насилия никогда не выходит за границы «необходимой» идеологической потребности. В свою очередь, в «Дне опричника» насилие превращено в социальный фетиш и воспринимается не как идеологическая, а, скорее, как метафизическая социальная потребность, как та самая цепь, на которой держатся и которой соединяются все слои общества. Сексуальный подтекст насилия, полностью отсутствующий в романе Краснова, в мире Комяги является одним из центральных. Секс и насилие в «Дне опричника» неотделимы друг от друга, полностью ритуализированы и, будучи единым целым, направлены не только на врагов, но и на друзей.

В то время как источник изображения героев Краснова следует искать в псевдонародном изображении «истинного русского» характера, популяризированного реакционной дореволюционной российской периодикой, главный герой Сорокина, хотя во многом и отражает образ типичного русского героя современной национал-патриотической литературы, все же, на наш взгляд, стоит ближе к «типичному положительному герою» соцреализма, который, как подметила К. Кларк, в литературе конца 1920—1930-х годов часто «приобретал ярко выраженные славянские фольклорные черты, присущие мифическим богатырям русских былин»⁸. Связь с советской литературой, конечно же, не случайна. Основная цель опричнины — восстановление концепции «мы», коллективного бессознательного единого ритуального «тела» советской идеологии. Таким образом, читатель может интерпретировать «опричное» общество и как утопическое, и как тоталитарное — и эта интерпретация полностью зависит от того, готов ли читатель воспринимать описываемые рассказчиком акты насилия как коллективные ритуалы, необходимые в данном идеологическом контексте, или же просто как человеческое зло.

Действительно, групповое изнасилование невинной женщины, жены неизвестно в чем провинившегося бизнесмена, за пару минут до того повешенного опричниками, выглядит чудовищно. Однако главный герой четко дает нам понять, что изнасилование это не является

---

⁸ Clark K. *The Soviet Novel: History As Ritual*. Bloomington and Indianapolis: Indiana UP, 2000. P.73.

добровольным выбором опричников, но происходит согласно ритуалу, направленному на усиление коллективного сознания опричнины как группы, и повторяется во время всех подобных «процедур зачистки» врагов отечества. Кроме того, буквально через десяток страниц читатель становится свидетелем подобного же ритуального сексуального насилия, направленного не на врага, а на самих себя: во время «корпоративной» вечеринки опричники сначала совокупляются в коллективном гомосексуальном акте, создавая «единую гусеницу», а затем по очереди сверлят друг другу ноги электродрелью. Таким образом, мы можем утверждать, что, будучи рассмотрены отдельно друг от друга, два описанных выше акта представляют собой примеры самого ужасного зверского насилия. Однако, будучи парными, эти акты перестают восприниматься читателем как добровольно совершаемое зло и превращаются всего-навсего в ритуальные действия, лишённые злого умысла и направленные исключительно на подтверждение экстраординарного статуса опричников как «суперменов», чья сила зиждется на коллективной телесности, статуса внутреннего и внешнего, который отличает их от «простых российских смертных».

В одном из интервью Сорокин заметил, что «в последнее время больше всего его занимает вопрос, что такое насилие и почему люди не могут отказаться от него»⁹. Нам представляется, однако, что Сорокина интересует не только насилие как таковое, но и его социальные, метафизические и идеологические границы, а также социальные и культурные предпосылки, которые ведут к ритуализации насилия. Взгляды Сорокина на насилие во многом отражают взгляды французских социологов Жоржа Батая и Роже Кайуа, утверждавших, что в определенные периоды в истории человечества, — периоды, которые, согласно Кайуа, следуют за временами войн или ярко выраженных социальных трансформаций и характеризуются чрезвычайно строгими политическими репрессиями, — нарушение моральных табу становится центральным мотивом социального подсознания. Кайуа определяет такие периоды специальным термином «праздник» и утверждает, что концепции войны и праздника совершенно сходны: и то и другое открывает период повышенной социализации, тотального обобществления орудий, ресурсов и сил; они прерывают собой время, когда индивиды действуют каждый сам по себе¹⁰. Праздник, как и война, превра-

---

⁹ Цит. по: *Литовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М., 2008. С. 633.

¹⁰ См.: *Кайуа Р.* Человек и сакральное. М., 2003. Взгляды, представленные Сорокиным в «Дне опричника», как кажется, также отражают и концепцию связи между природой фашизма, тоталитарным правлением, насилием, властью и мужским сексуаль-

щает убийство из акта преступного в акт ритуальный и соответственно религиозно переживаемый, — акт, который интерпретируется народным сознанием скорее как человеческое жертвоприношение, нежели простое убийство или изнасилование, и именно по этой причине не воспринимается как преступление. В той или иной мере реальность, представленная у Красновым и Сорокиным, может служить примером подобного «праздника»: в обоих случаях мы имеем дело с первыми десятилетиями нового «традиционного» режима, который следует непосредственно за войной и политическим переворотом и характеризуется социальными репрессиями.

Однако сам способ изображения насилия в романе Сорокина резко отличается от изображения насилия у Краснова. Рассказчик Краснова красочно описывает положительные результаты политики насилия, и никогда само насилие. Акты насилия у Краснова остаются абстрактными «дидактическими» примерами, в то время как «День опричника» позволяет читателю, вжившись в героя романа, прочувствовать до мельчайших подробностей все детали подобных актов. Насилие в «Дне опричника» описано настолько ярко, натуралистично и экспрессивно, количество его столь велико, что читатель в какой-то момент начинает воспринимать сваливающиеся на него новые и новые детали не как реальность, а как некий карнавалый гротеск, от которого читатель (исключительно против своей воли) начинает получать какое-то мазохистское удовольствие.

Коллективное «тело» опричнины Сорокина во многом повторяет образ гротескного «коллективного» тела, представленного М.М. Бахтиным в его знаменитом исследовании «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья». Фекалии, желудочные газы, сперма и прочие выделения тела многократно обыгрываются Сорокиным и его героями и интерпретируются как метафизически, так и политически. Например, эпизод в «идеологически подкованной» пьесе, проверенной лично Комягой: на просьбу разрешить поставку газа в Европу из Средней Азии через проходящую по российской территории трубу российские солдаты «открывают» границу и громко через нее пердят. Как утверждает автор политически правильной пьесы: «желудочные газы — главное орудие солдата!» (36).

Бахтин утверждает что гротескный образ коллективного тела строится так, что любая часть его возрождается из смерти какой-то

ным доминированием, которая представлена в книге К. Тьюлейта «Мужские фантазии» (см.: *Male Fantasies*. Minneapolis: Minnesota Press, 1977).

иной части¹¹. Таким образом, коллективный сексуальный акт изнасилования жены только что убитого бизнесмена — как ни чудовищно это звучит — может рассматриваться как коллективный ритуал торжества жизни, следующий непосредственно за смертью, полностью оправдывающий коллективный ритуал торжества смерти — собственно, убийство. Агония смерти плавно перетекает в агонию жизни — в сексуальный процесс, непосредственно связанный с оплодотворением и зачатием новой жизни.

Наиболее важной для понимания сорокинского диалога с Красновым представляется использование в обоих романах темы «мистического видения», связанного с изображением святого Георгия, убивающего змея. Как и для героев Краснова, для Андрея Комяги данный образ является центральным в его определении российского национального самосознания. Краснов не выходит за рамки традиционной «православной» интерпретации «мистического видения». Протагонист романа Коренев решает преодолеть непроходимую стену чертополоха после того, как трижды видит во сне юную красавицу, которую ему, Кореневу, суждено спасти от страшного Змия. Краснов однозначно демонстрирует читателю, что несчастная красавица — Россия, а змей, напавший на нее, — демократические и либеральные силы, ведущие к ее, России, падению и разрушению. Впав в наркотический транс, Андрей Комяга также видит «мистический» сон, однако в этом сне он сам вместе со своими друзьями-опричниками превращается в чудовищного многоголового Змея Горыныча. В теле змея они летят через океан с целью разрушить оплот демократии и либерализма — Соединенные Штаты. Несмотря на то что в какой-то момент читатель понимает, что сон Комяги видят и другие опричники — таким образом, без сомнения, видение Комяги принадлежит «коллективному подсознанию», — детали сна раскрываются читателю исключительно только через декламацию главного героя, блестящую и абсолютно гротескную имитацию традиционной фольклорной поэзии:

А сидит глава моя головушка
 Да на крепкой шее длинехонькой...
 А и рядом с моей головушкой
 Шесть таких же голов извиваются...
 А сидят-то те семь глав да на тулове...
 Со хвостом тяжелым да извилистым...
 А с боков на туле приземистом
 Два крыла растут перепончатых.

---

¹¹ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 470.

Полетим мы нынче да по небушку
 Все на запад напрямик в страну дальнюю.
 В страну дальнюю да богатую,
 По за морем-океяном пораскинувшемуся.

В той стране далекой терема стоят...
 Все высокие, островерхие...
 А живут в тех теремах люди наглые,
 Люди наглые да безбожные...
 Вся плюют они на святую Русь,
 На святую Русь, на православную...

Пролетели мы третьих десять ночей
 Глядь, увидели ту страну безбожную...
 Налетели мы тотчас, изловчились,
 Стали жечь ее из семи голов (92—96).

На наш взгляд, «коллективный» транс Комяги, заканчивающийся сценой изнасилования иностранной женщины, скорее всего, американки, огненной струей, напоминающей одновременно и драконий огонь, и огнемёт, является центральной метафорой «Дня опричника». Квази-средневековый, «былинный» стиль повествования, секс, насилие, антизападный национализм и религиозная символика объединяются в описываемом наркотическом трансе в едином абсурдном сне-кошмаре, который читателю позволено самому интерпретировать либо как политическое пророчество, либо как гротескную сатиру. Более того, если следовать теории Бахтина, согласно которой в контексте карнавала («праздника») любой уничтоженный объект не исчезает полностью из реальности, а приобретает новую временную и физическую форму, то уничтожение Америки, «далекой богатой страны за океаном», превращается в некий космический «квест», метафизическое путешествие, которое позволяет героям Сорокина освободить символическое пространство — «темной стороны Земли», ныне занимаемой «плохой» Америкой, — чтобы занять его «хорошей» Россией и вернуть мир назад «к свету».

Бахтин утверждает, что карнавальная тенденция особенно отчетливо актуализируется в эпохи смены социальных и политических вех¹². Очевидно, что гротескная интерпретация насилия, которую мы видим у Сорокина, неотрывно связана не только со сменой эпох, представленной в романе, но и с современной российской социокультурной ситуацией начала XXI века, которую можно обозначить как «эпоху

¹² См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле... С. 402.

поисков новой Тотальности»¹³. Бахтин определяет язык Рабле как язык, существующий на грани некоего лингвистического изменения, которое появляется на стыке языковых эпох. Два языка представляют два мировоззрения; и в результате их пересечения и формируется гротеск¹⁴. Язык Сорокина, в отличие от языка Краснова, не выходящего за рамки «классической» реалистической традиции XIX столетия, существует исключительно на границе лингвистических культур. Как уже было отмечено выше, рассказчик смешивает народные термины с преступным сленгом, постсоветскими понятиями (к примеру, словом «киберпанки») и советскими терминами, и эта смесь в значительной степени представляет читателю не только лингвистический, но и культурный и идеологический фон сознания главного героя. Использование техники «сказа» позволяет читателю взглянуть на мир, в котором живет Андрей Комяга, его же собственными глазами — и в таком случае реальность, показанная читателю, выглядит абсолютной утопией. В то же время, разрешив себе на минуту выйти за рамки той ритуализированной мифологии, в которой существует рассказчик, читатель моментально понимает, насколько на самом деле чудовищна и античеловечна эта реальность. Более того, форма «сказа» позволяет Сорокину репрезентировать рассказчика не как отдельного персонажа и даже не как представителя некоей политической группы, но как представителя коллективного «мы» новороссийской опричнины, что расширяет масштаб социальной пародии, заложенной в романе. К примеру, оба протагониста — и герой Краснова, и герой Сорокина — считают, что авангардная литература «вредна русскому человеку» и радуются обилию «традиционных», «народных» авторов на полках российских книжных магазинов. И если Краснов не дает нам возможности познакомиться с именами «традиционных», официально разрешенных к публикации писателей, то Сорокин охотно делится ими с читателем: имена Оксаны Подробской и Дарьи Адашковой моментально позволяют понять, как «мейнстримные» современные российские авторы легко встраиваются в неотрадиционалистские контексты, особенно если такое «встраивание» сопряжено с коммерческим успехом.

Ожидая исполнения смертельного приговора в камере Лубянской тюрьмы, Петр Краснов не мог, скорее всего, и подумать, что спустя пятьдесят лет после его смерти, его роман будет не только реабилитирован и широко популяризирован в его родной России, но и станет для многих сценарием вполне возможной и даже желаемой действительности. Мы полностью согласны с теми критиками, которые утвержда-

---

¹³ Цит. по: *Липовецкий М.* Паралогии... . С.594.

¹⁴ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле... . С. 412.

ют, что книга Сорокина — это книга о циклическом повторении истории¹⁵. Однако, на наш взгляд, роман Сорокина содержит в себе намного больше, чем лишь мрачное политическое предсказание. В первую очередь, «День опричника» — это блестящая и чрезвычайно успешная деконструкция и утопического жанра (который иллюстрирует роман Петра Краснова), и национал-этатистской идеологии, что повлияла на его возрождение.

М. ХАБИБУЛИНА

(г. Екатеринбург, Россия)

КИТАЙ ПО-РУССКИ: ОБРАЗ ИВЫ В ЦИКЛЕ О.А. СЕДАКОВОЙ «КИТАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»*

Одна из тенденций в постсоветской литературе — расширение семантического поля образов за счет диалога с инонациональными культурными традициями. В основе образности цикла стихов Ольги Седаковой «Китайское путешествие» лежат не впечатления от реальной поездки, например туристической, в Китай (в этой стране поэта была только в раннем детстве), но рецепция самого духа древней китайской мудрости.

Один из центральных образов в цикле — образ ивы. Архетип «мирового древа» является общим для всех культур, именно поэтому на его базе становится возможной русская «адаптация» традиции китайской пейзажной лирики. «Дерево — многозначный древнейший образ-символ»¹, «характерный для мифопоэтического сознания и воплощающий универсальную концепцию мира»². Астральное «мировое дерево» выражает «формы жизни в органических взаимосвязях и человека — как части натурального космоса и представляет Вселенную, законы жизни и человека как неразрывное целое»³.

---

¹⁵ См., напр.: *Парфенов Л.* История возвращается не только в виде фарса...; *Соколов Б.* Старая новая Русь.

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002).

¹ *Элиштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 143.

² *Дерево // Мифы народов мира энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1987. Т. 2. С. 398.*

³ *Элиштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 143.